

УДК:82(73)-92

О. В. Ермоленко, В. В. Орехов

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

Измаильский государственный гуманитарный университет

E-mail: opexoba@bigmir.net

ПУБЛИЦИСТИКА ГОРА ВИДАЛА: ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дан анализ публицистики Г. Видала с точки зрения одного из перспективных направлений компаративистики – имагологии. Выявляются закономерности взаимодействия образа своей страны с имиджами других государств.

Публицистическое творчество американского писателя Гора Видала составляет значительную часть его литературной деятельности, однако до сих пор оно остается практически неизученным отечественными литературоведами. Особенно любопытным представляется проанализировать многочисленные общественно-политические эссе известного романиста и его выступления в СМИ с точки зрения имагологии, то есть выяснить приемы и творческие подходы Г. Видала при создании образов государств и народов.

Заметим сразу, что обычно в область внимания имагологии, одного из направлений современной компаративистики, попадают литературные образы инациональных стран и народов. Несомненно, эти образы имеют непосредственное влияние на развитие межлитературных отношений. Но возьмем на себя смелость утверждать, что для имагологии столь же серьезное значение имеет исследование литературного образа *своего* государства. По нашим наблюдениям, в масштабах литературы или индивидуального авторского сознания рецепция *другой* страны, как правило, осуществляется в неразрывной связи с восприятием *своей* страны. В художественной системе автора эти образы *других* государств и *своего* выстраиваются в глобальную картину мира. Причем изменение одного из компонентов (образов)

этой системы может повлечь реформацию остальных компонентов (образов).

Иными словами, рецепция иных государств и народов осуществляется опосредованно, через призму восприятия *собственной* страны. Точно так же образ *своей* страны может формироваться под воздействием представлений о чужих странах и народах. Для иллюстрации навскидку напомним примеры из отечественной литературы и истории.

А.А. Бестужев-Марлинский писал из Петропавловской крепости Николаю I, что после победы над Наполеоном и взятия русской армией Парижа «войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали: как хорошо в чужих землях». После войн 1812–1814 гг. десятки тысяч русских людей познакомились с европейским жизнеустройством и стали воспринимать родину в сравнении с Францией и другими европейскими державами. О том, что сопоставление это было не в пользу России, свидетельствует восстание декабристов, которые, по выражению И.Д. Якушкина, решили «пересадить Францию в Россию». По сути, Франция, а шире – Европа, стала для победителей Наполеона почти идеальным образом страны, в контрасте с которым выпукло проявлялись недостатки «портрета России». Однако возможен и даже более вероятен обратный процесс: человек, имея в своем сознании оформившийся образ родины, воспринимает все прочие страны в качестве естественной оппозиции *своей* стране, ищет в них, прежде всего, те качества, которые имеют эквиваленты в образе родины.

Так, в 1835 г. А. С. Пушкин делает набросок <«Освобождение Европы»>, в котором обращается к осмыслению всегда волновавшего его вопроса о роли российской аристократии. Стимулом для описания европейских традиций здесь служит наблюдение российских реалий: «Освобождение Европы придет из России, ибо только там предрассудок аристократии совершенно отсутствует. В других странах верят в аристократию, одни – чтобы ее презирать, другие чтобы ее ненавидеть, третьи – чтобы извлекать из нее выгоду, тщеславие и т. п. В России ничего подобного. В нее не верят вот и все» [1].

А 19 октября 1836 г. Пушкин пишет послание П. Я. Чаадаеву, где формулирует свое мнение по поводу многих позиций знаменитого «Философического письма». Он придает изображению российской истории величественный вид и вольно или невольно представляет ее исключительной среди судеб прочих государств. «Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству <...> – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? – восклицает Пушкин. – А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? <...> Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; <...> но

клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков <...>» [2].

Взаимодействия между образами чужих стран и образом своей страны, разумеется, могут быть более сложными, нежели в приведенных примерах. Они могут быть скрытыми или явными, прямыми или косвенными, могут иметь различные цели и причины, но пока нас интересуют самые общие наблюдения, доказывающие существование таких взаимодействий в принципе. В связи с этим публицистика Гора Видала, на наш взгляд, представляет собой наиболее яркий результат взаимодействия авторских рецензий *своего* государства и *чужих* стран. Целью нашей статьи является определение творческого подхода Г. Видала в создании образов как *других* государств, так и *своей* страны. Мы стремимся уловить особенности взаимодействия этих образов в публицистике автора, избравшего стержнем своего (к слову скажем, и романного) творчества изображение Америки в имидже «жестокой империи».

Публицистическая карьера Видала началась в период основания журнала «The New York Review of Books» (1963), который ориентировался по преимуществу на академические и интеллектуальные круги американского общества. Эпоха 50 – 70-х годов ознаменовалась волной активного интереса к литературе факта, когда рационализм американцев требовал информации об обществе в его историческом развитии, обнаружения в фактическом материале общезначимого смысла, что стимулировало выдвижение на авансцену прозаических жанров публицистики. Видал начал публиковаться также в журналах «Esquire», «The Nation», «New Statesman», в итоге став одним из наиболее известных публицистов Соединенных Штатов. Он быстро нашел круг своих тем и откликающуюся аудиторию. Его работы были переведены на многие языки мира: французский, немецкий, испанский, итальянский, португальский, венгерский и др. С сожалением мы должны отметить, что русскоязычная аудитория могла познакомиться лишь с единичными публицистическими выступлениями Видала. Переводов его эссе на украинский язык вообще не существует.

Безусловно, Видал – один из самых плодотворных эссеистов XX столетия. Его наблюдения и размышления на социальные, политические, литературные и иные темы составляют одиннадцать томов. Многие видаловские эссе вошли в сборник «Раскачивая лодку» (Rocking the Boat, 1962), составленный из статей о творчестве О'Нила, Б. Шоу, П. Чаевского, Дж. Дос Пассоса, Н. Мейлера, К. Маккалера, Р. П. Уорена, И. Во. В другой сборник «Размышления на тонущем корабле» (Reflections Upon a Sinking Ship, 1969), выдержавший восемь переизданий, вошли эссе, запечатлевшие эпоху «бурных шестидесятых», когда политика и литература объединились под влиянием общих тенденций. В 1973 г. вышел сборник «В честь Дэниела Шейса. Избранные эссе: 1952 – 1972 гг.» (Homage to Daniel Shays. Col-

lected Essays: 1952 – 1972), включивший наиболее значительные литературно-критические труды. Сборник «Соединенные Штаты, эссе 1952 – 1992» (United States, Essays 1952 – 1992) завоевал национальную книжную премию в 1993 г. Собрание эссе «Вторая американская революция и другие эссе, 1976 – 1982» (The Second American Revolution and Other Essays, 1976 – 1982) было также удостоено официальной премией National Book Critics Circle prize за критику.

Гор Видал принадлежит к числу тех американских авторов, которые усматривают прямую зависимость между литературным творчеством и формированием общественного мнения. Он избирает амплуа беспощадного разоблачителя нравов американского общества и критика современной цивилизации. Эссе и публичные выступления Видала звучат вызывающе остро. В зону его критической атаки попадают американский империализм, большой бизнес, академический истеблишмент, «гетеросексуальная диктатура». При любом возможном случае автор высказывает свое отвращение к «американским стандартам». Вообще, почти все эссе и выступления Видала имеют целью анализ и критику исключительно Соединенных Штатов Америки.

По Видалу, американская империя – конфедерация могущественных мажоров и денежных корпораций, тайно управляющих Америкой и стремящихся к управлению миром. Американская нация, считает публицист, пребывает в предсмертной агонии, и экономический апокалипсис видится ему неизбежным. В интервью римской газете «Унита» (1984) Видал заявил: «Политическое руководство США в действительности выбирают крупные корпорации, которые оплачивают избирательные кампании «своих» сенаторов и президентов и получают за это взамен то, что хотят. Они действуют так же, как мафия на Сицилии, покупающая голоса избирателей» [3].

Американская демократия представляется Видалу, пожалуй, наиболее значительной формой общественного обмана. В эссе «Истинная двухпартийная система» (The Real Two-Party System) он заявляет, что в Соединенных Штатах существует две равновеликие политические партии. Одна – это партия, голосующая на президентских выборах, другая – партия, на выборах не голосующая. При таком политическом раскладе, считает Видал, американская претенциозность относительно демократии – великое притворство, и американская нация, пользуясь этим притворством, принесла немало боли, страданий и зла всему миру, продолжая вести политику империализма, начатую предшественниками современных политиков. Подтверждения тому Видал находит в американской истории. «С самого начала основания США как государства, – заключает он, – наши политики больше всего боялись демократии и сделали все, чтобы не допустить ее установления. Я думаю, что мы должны пересмотреть нашу конституцию, начав все

с начала. Ведь этот документ защищает только интересы класса имущих» [3].

Картина американского «сегодня» в изображении Видала выглядит совершенно угнетающе. Вся государственная система США сравнивается с «высокоорганизованным зоопарком» [4, с. 908] и представляется порочным кругом взаимно оправдывающих друг друга обманов и самообманов. «Лицемерие и самообман, – делится наблюдением публицист, – традиционные характеристики среднего класса в любое время и в любом месте. И Соединенные Штаты сегодня – это образцовое общество среднего класса. Поэтому мы едва ли можем осудить наших политических игроков за стандартные действия. Любой общественный деятель имеет полное право попытаться обмануть нас, и не только ради своего собственного блага, но, если он честный, то и ради нашего (Здесь и далее перевод с английского мой – Е. О.)» [4, с. 822].

Вообще, по наблюдениям Видала, американская империя буквально погрязла во всех смертных грехах: зависть, гордыня, алчность, обжорство, праздность и вожделение (как жажда власти, в первую очередь). По выражению журнала «Time», посвятившего в 1976 г. творчеству Видала обзорную статью, эссе, объединенные в сборнике «Размышления на тонущем корабле», не просто написаны, а вытравлены кислотой. При этом следует заметить, что иные из этих эссе, как, например, статья о клане Кеннеди «Святейшее семейство» (The Holy Family), вызывали живейший интерес не только у читателей и критиков, но и у историков США. Это вполне объяснимо: Видал был связан с семьей Кеннеди и родственными узами, и дружескими отношениями. И во многих других случаях доверие читателей обеспечивается Видалу древним происхождением его фамилии, причастностью его семейства к истории США и к современной политике, наличием у него собственного политического опыта. Напомним, что предки Видала участвовали в создании конституции США, последний претендент на пост президента США Альберт Гор – родственник Видала, а сам Видал дважды баллотировался в Конгресс США (в 1960 и в 1982 г.).

Приобретенная репутация писателя-интеллектуала позволяет публицисту с видом разочарованного эксперта осуждать общество за упадок в образовании и невежество. «Интеллект исчез из нашей общественной жизни в 1920 г., когда на смену Вудро Вильсону (первоклассный ум) пришел Хардинг, – заявляет Видал в интервью журналу «Новое время». – Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон были последними президентами, которые могли сами писать – и писали – свои речи, а также книги. Их преемники были разными по характеру и степени мудрости, но ни один из них не был интеллектуалом» [5].

В рамках статьи мы, конечно, не сможем реконструировать полный образ Америки (который, к слову, включает в себя множество других эле-

ментов, в том числе имиджи американских политических деятелей, исторических лиц и даже имидж самого автора), созданный пером Г. Видала. Мы и не ставим перед собой такой задачи. Но отметим, что все эссе и другие выступления писателя имеют одну характерную черту, позволяющую нам даже в рамках этой работы претендовать на обобщающие наблюдения. Дело в том, что манере Видала свойственно стремление к декларативности и программности, присущей обычно чисто политическим выступлениям. Видимо, это обусловлено опытом политических выступлений автора и его стремлением влиять на массовое сознание. Хотя Г. Видал и пользуется характеристикой «писателя интеллектуальной элиты», его публицистика во многом рассчитана не только на интеллектуалов, но и на самый широкий круг читателей. Сам Видал с удовольствием замечает, что его книга размышлений о событиях 11 сентября 2001 г. «Перманентная война для перманентного мира. Как нас стали ненавидеть» (Perpetual War for Perpetual Peace. How We Got To Be So Hated, 2002), хотя и была отвергнута поначалу всеми англоязычными издательствами, быстро стала бестселлером и была переведена на «дюжину языков мира» [6, с. 13].

Эта ориентация на широкого и разнородного читателя и слушателя заставляет Видала почти в каждом выступлении или эссе обозначать и повторять в той или иной форме почти все присущие ему векторы антиамериканской критики. В самых общих чертах его образ Америки имеет следующий вид: всепроникающая коррупция в коридорах власти, диктатура капитала под маской демократии, духовное и интеллектуальное вырождение американского общества, историческое беспамятство «Соединенных Штатов Амнезии» (определение Г. Видала) и их ура-патриотическая агрессивность, ложь в средствах массовой информации и, в конце концов, обреченность американского строя на катастрофу. Одним словом, мировоззренческое кредо Г. Видала – это противостояние образу «американской мечты», рожденному средствами официальной пропаганды. Публицист создает «зеркальный образ (mirror image)» *своей* страны.

Однако нас сейчас интересует не сам по себе образ Америки, созданный Видалом, а отношение этого образа к образам *других* стран в системе миропредставления американского публициста. Понятно, что изображение других государств и суждения о них следует искать там, где писатель ведет речь о внешнеполитическом имидже Соединенных Штатов. А так или иначе этот вопрос затрагивается почти во всех работах Видала.

Как известно, Г. Видал довольно много путешествовал. Он посетил СССР, Египет, Монголию, другие страны, долго жил в Панаме и до недавних пор большую часть времени проводил в Италии. В романе «Сотворение мира» он умело пользуется приемом изображения не только исторического, но и местного колорита Китая, Персии, Индии и Греции. Постоянный читатель Видала вправе ожидать от него и в публицистике если не

описаний, то, по крайней мере, общих рассуждений о посещенных странах. Попробуем вычлени из публицистики американского критика описания СССР и России. Если отбросить все случаи, где Советский Союз упоминается лишь мельком, без всяких характеристик и описаний, окажется, что Видал не балует читателей информацией о нашей стране. Обычно Советский Союз (и Россия в качестве преемницы СССР) упоминается в интервью с советскими и российскими журналистами. Так, в интервью В. Молчанову для канала РТР в 2001 г. он неоднократно упоминает Россию. Сетью на отсутствие у американцев интереса к хорошей литературе, Видал замечает: «В восточных странах сохранили привычку читать. На Западе никто не читает». Тут же он называет представителей «хорошей литературы», которых «читали сто лет назад»: Тургенев, Чехов, Герцен. Видал говорил о том же 14 лет назад в интервью для журнала «Новое время», рассуждая о возможности влияния литературы на жизнь: «Это возможно, скорее, в вашей стране, где литература и интеллект в большем почете, чем в США, где невежество – счастье, а система народного образования разваливается в то время, как все наши доходы идут на производство оружия» [4].

Сколько мы можем судить, этим наблюдением ограничиваются рассуждения Видала о культуре и литературе в СССР. Зато всякий раз писатель обращается к политическому противостоянию СССР и США и делает неизменный вывод, что в Америке искусственно из русских культивировался образ врага. «Русские никуда не идут, – поясняет он Молчанову, обыгрывая название известного американского фильма. – Правящие круги США скрывали от американцев страшную тайну: они никогда не боялись СССР».

То же рассуждение встречаем в интервью романиста журналу «Иностранная литература» двадцатилетней давности: «Лет десять назад был такой фильм «Русские идут» – комедия, в которой в сатирической форме рассказывалось о том, что в Америку нагрянули русские. Сегодня на полном серьезе наш народ пытаются запугать русской угрозой, утверждая, что нас вот-вот оккупируют русские. На самом же деле наша страна давно уже оккупирована военно-промышленным комплексом» [7, с. 235]. О том же и почти в тех же фразах Гор Видал говорил неоднократно между двумя этими интервью.

В 1994 г. писатель сообщил журналисту «Московских новостей»: «Мне кажется, мы должны образовать конфедерацию США – Россия. У нас почти одинаковое население, большие территории, и ни один из нас не может сделать автомобиль, на котором люди хотели бы ездить. Если это не основание для «женитьбы», то я не знаю, какие еще могут быть...» [8]. Тот же пассаж он повторяет в интервью журналу «Новое время» [5].

Мы намеренно акцентируем внимание на том, что Видал по несколько раз повторяет свои публицистические формулы, касающиеся СССР или России. На наш взгляд, их трафаретность вызвана стереотипностью пред-

ставлений о стране. Эти представления не только имеют застывшую форму, они еще и не отличаются особенной широтой. Перечисленные нами высказывания почти полностью исчерпывают информацию, которая содержится в публицистике Видала о России. Можно порою встретить чисто русские слова, например, «аппаратчик» (интервью РТР), или упоминание о советской диктатуре (там же), но эти факты не меняют общей картины.

К. Г. Юнг писал, что «говоря о России, сейчас же вспоминаешь «батюшку» царя или другого «батюшку» – Сталина». Юнг имеет в виду первичную ассоциацию, связанную с образом России. Решимся дополнить классика психоанализа и скажем, что такие первичные ассоциации образуют целый комплекс, в состав которого входит и стереотипное представление о возможности «русского нашествия» на Европу или Америку. Сам Юнг без шуток писал: «Весь мир находится под гнетом русской политики и страшится ее непредсказуемых последствий».

Важно, что эти первичные ассоциации являются достоянием массового сознания. По замечанию исследователя международной рецепции А. Г. Здравомыслова, эти стереотипы «включены в общий контекст отношений между народами в условиях глобализации и воспроизводятся международными средствами массовой информации». Г. Видал рассуждает в строгих рамках традиционных стереотипных представлений о России. Россия – большая страна размером с Соединенные Штаты, в которой хорошая литература и плохие автомобили, где господствует тоталитарный режим и которую боялись в Америке. Думается, это именно тот комплекс первичных ассоциаций, который присутствует в сознании почти любого американца. И дело лишь в том, что Видал в некоторых случаях меняет оценку этих стереотипов. Иными словами, писатель оставляет неизменным присущий американскому массовому сознанию образ *другой* страны, но меняет его оценочную нагрузку.

Очевидно, что это вызвано нестандартным видаловским изображением Америки. В корне реформируя образ Соединенных Штатов, Видал вынужден корректировать и другие элементы картины мира. Если США не благородный оплот демократии, а «жестокая империя», агрессивно настроенная к окружающему миру, боязнь «русского нашествия» теряет смысл. И писатель должен превратить Советский Союз или Россию из образа врага в образ, если не друга, то, по крайней мере, безопасного соседа.

Та же логика действует при оценке других стран, даже тех, которые открыто и весьма действенно проявили свою враждебность к Америке. После воздушной атаки пилотов-камикадзе 11 сентября 2001 г. Г. Видал выпустил в Италии критическую работу «Конец свободам: на пути к новому тоталитаризму» (*The End of Liberty: toward a new totalitarianism*, 2002), включающую размышления об упомянутой трагедии в ретроспективе американских военных операций, начиная с 1948 г. По Видалу, ответственность

почти за все конфликты этого периода лежит на США. Воздушная атака террористов 11 сентября представляется ему закономерным результатом стиля американской политики: «В мире, в котором дьявол находится постоянно настороже и бродит туда-сюда, подстерегая нас и склоняя к «добрым делам», наша пресса хочет, чтобы мы поверили, что бен Ладен – олицетворение зла и что, следовательно, мы вынуждены обратиться в НАТО и взорвать всех демонов, которые предоставили ему убежище, чтобы преподнести ему урок, который мы никак не усвоим: в истории, как в физике, действия без противодействия не существует» [6, с. 8].

При этом Видал сильно занижает имидж бен Ладена и объясняет его ненависть к Америке, как и его бывшую враждебность к СССР, стремлением к независимости мусульманского мира. «Вряд ли 44-летний житель Саудовской Аравии, – заявляет Видал в пику официальной пропаганде и намекая на выкуп, назначенный за голову террориста, – может считаться действенной силой истории. Описываемый как баснословно богатый человек, Усама бен Ладен стоит всего несколько миллионов долларов» [6, с. 5]. Писатель рассуждает о конфликте США на Востоке, но ни слова не говорит при этом ни о культуре восточных стран, ни об их истории, ни о народном характере. Единственная черта местного колорита в этом случае – мусульманский патриотизм, которым Видал и объясняет атаку 11 сентября. Упоминая о том, что в декларации войны бен Ладен представил себя в качестве «потенциального освободителя мусульманского мира от великого Сатаны – современной коррупции Соединенных Штатов» [6, с. 7], писатель во всех действиях террористов видит проявление мусульманского менталитета. «В соответствии с Кораном, – пишет Видал в апокалипсическом духе – Аллах сотворил тьму во вторник. 11 сентября, когда пилоты-самоубийцы направили американские самолеты на важные архитектурные сооружения, мне не было нужды отрываться от телевизора, чтобы посмотреть в календарь на день недели: вторник тьмы бросил тень на Манхэттэн и вдоль реки Потомак» [7]. Операцию по поимке бен Ладена Видал считает совершенно абсурдной. «Пентагонская хунта претендовала на то, что опустошение Афганистана нашими воздушными силами есть великая победа, – снова осуждает писатель официальную трактовку событий, – но никто не упоминает о том, что афганцы не были американским врагом. Это подобно тому, что уничтожать Палермо для того, чтобы устранить мафию» [6, с. 9].

Несложно заметить, что именно критическое отношение к Америке служит для Видала поводом и основанием для ломки стереотипно негативных оценок других стран. Не проникновение в культурно-историческую или ментальную природу этих государств, но их противопоставленность объекту его критики диктует отношение к ним. Эту особенность (возможно, не вполне осознанно) Видал сформулировал в интервью немецкой газете «Зюддойче Цайтунг Магацин» в 1996 г. (№ 40). На вопрос журналиста,

сохранил ли Видал как участник Второй мировой войны ненависть к немцам, писатель ответил: «У каждого, кто участвовал во Второй мировой войне, имеется затаенное чувство вражды. Но скажу так: со временем мои антиамериканские чувства стали такими же значительными, как и мои антинемецкие или антияпонские чувства. Американцы все равно не думают о Германии».

Последняя фраза для нас чрезвычайно значима. Видал и далее упрекает соотечественников за безразличие ко всему миру: «Американцы вообще не думают ни о какой стране. Они даже о своей собственной стране думают мало. Согласно статистике, 70 процентов американского населения были не в состоянии показать США на карте мира. Многие тыкали пальцем на Панаму, потому что она так красиво выглядит».

Но и сам Видал на вопрос, какие страны ему нравятся, не колеблясь отвечает: «Страны вообще не могут нравиться. Самое большое, что может нравиться, это люди».

Нам остается заключить, что Гор Видал, направивший все свое творчество на разоблачение «американского стиля жизни», сам во многом — дитя своей страны и своего времени. Если судить по публицистике писателя, образы *других* стран почти лишены индивидуальных характеристик и сливаются в общий *образ мира*, противостоящего Соединенным Штатам. Искключительная сосредоточенность на американских реалиях приводит к тому, что все государства и народы и своими действиями, и своим существованием интересуют писателя только как дополнительный аргумент в его собственной идеологической борьбе.

Обобщая, скажем, что публицистика Г. Видала является показательным примером взаимодействия образов государств и народов. Литературная рецепция *других* стран неразрывно связана с воплощением в литературе представлений о *своей* стране. Образы стран и народов формируют в творческом сознании картину мира, все элементы которой строго соотнесены между собой. Даже при стабильном семантическом наполнении этих образов изменение оценочной нагрузки на любом из элементов картины мира ведет к внутренней переориентации всей системы. Таким образом, в круг внимания имагологии необходимо включать не только изучение литературной рецепции инациональных государств и народов, но и исследование процесса влияния на эту рецепцию представлений о *своей* стране и о *своем* народе.

Библиографический список

1. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 19 т. Т. 12 / А.С. Пушкин. — М., 1994. — С.393.
2. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 19 т. Т. 16/ А.С. Пушкин. — М., 1994. — С.485.

3. Гор Видал – «возмутитель общественного спокойствия» // За рубежом. – 1984. – № 4. – С. 22.
4. Vidal G. The Essential Gore Vidal / G.Vidal; Ed. by F.Kaplan– N. Y.: Random House, 1999. — 190 p.
5. «Империя будет закрыта на ремонт...» (Интервью с Г. Видалом) // Новое время. — 1987. — № 42. — 16 окт. — С. 32.
6. Vidal G. Perpetual War for Perpetual Peace. How We Got To Be So Hated / G. Vidal. — N. Y.: Thunder's Mouth Press; Nation Books, 2002. — 135 p.
7. Брук М. Гор Видал (США) / М.Брук // Иностранная литература. — М., 1983. — № 4. — С. 235 – 237.
8. Веселая Е. Семейное дело Гора Видала / Е.Веселая // Московские новости. — 1994. — № 4. — С. 3.

Поступила в редакцию 01.09.2003 г.